

Мария Бюхнер

СОВРЕМЕННОСТИ
И КЛАССИКИ

Весны моей позолота

Современники и классики

Мария Бюхнер

Весны моей позолота

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Бюхнер М. И.

Весны моей позолота / М. И. Бюхнер — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-001532-34-7

Стихи Марии Бюхнер – это то, что рождает сердце и душа, это то, что изливается наружу, зацепившись за одно только слово, за одну фразу, раскручивая которую Мария создает неповторимо свою картину восприятия этого мира. И все это на очень тонкой философской волне. Во всем: «Мы наказание или мы – чудо?» Возможно, что только такая формула и отличает поэзию от рифмослагательства. Помните слова Е. Евтушенко: «Удачная строка вытягивает все стихотворение»? В поэзии Марии есть отзвуки цветаевской музыки рифм, напевность есенинской поэзии. А порой душа читателя замирает от изысканной, по-женски тонкой рифмы. Пунктуация автора сохранена.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-001532-34-7

© Бюхнер М. И., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Ты – не о том – говоришь	5
Я не могу корить тебя...	6
У тебя – семья...	7
Меня в твоём городе – нет	8
Маэстро	9
Что мне – Медные Трубы	10
Помнишь? Осень была...	11
Сон	12
О случайностях и закономерностях	13
О первой любви	14
Сколько смелости	15
Дай мне насладиться	16
Моя большая печаль	17
Ох и умеют любить – поэты	18
Чуть – психостеник	19
Пролетело бабье лето	20
Я знаю теперь	21
Если бы боль	22
Синь всё гуще	23
Всполохи – заревом	24
Какие рисуют нами узоры	25
Русь моя, срединная	26
Исповедь души капризной женской	28
Тянется к ручке рука	29
Надо сквозь боль пройти	30
Перекинула мостки, но – слабы	31
«Так-так-так», – локомотивчик...	32
Моей – России	33
Северные ночи	34
И странно, и горько, и горестно мне	35
К небу	36
Какого цвета бывает беда...	37
После грозы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Бюхнер

Весны моей позолота: поэтический сборник

Ты – не о том – говоришь

Ты – не о том – говоришь,
я – не о том – молчу.
Тихо шуршит камыш,
жалуясь на судьбу.

Я – гордыней укрылась,
ты – невпопад промолчал.
Лишь облака торопились —
ветер их погонял.

Я – без слез – отвернулась,
ты – не простясь – ушёл.
Так вот любовь захлебнулась
на стыке двух маленьких зол.

1986

Я не могу корить тебя...

Я не могу корить тебя за горький выбор,
за ту синицу, что уже в руках.
Не всем, мой друг, дано мечтать о небе,
не всем дано мечтать о журавлях.

Я не могу судьбе упрёки ставить
за все, что так сложилось. Так – судьба,
и не могу тебя к себе прибавить —
здесь просто математика слаба.

Что я могу: любовь стихом умножить
и жаркой строчкою сказать о нас двоих.
И это все молитвой в души вложить,
чтоб донести до любящих других.

1986

У тебя – семья...

У тебя – семья,
у меня – семья.
Семь различных «я»,
Не одна – семь-я...

Но болит – душа
и зовет – тебя.
Где набраться сил,
всё сносить любя?

Может, есть параллель
для такой – любви?
Если знаешь ты,
мне тогда – скажи.

А пока в толпе
всё ищу тебя,
где ты мог пройти,
но где нет – следа.

1986

Меня в твоём городе – нет

Меня в твоём городе – нет,
меня давно нет в твоей жизни.
И истерся последний мой след,
и покинула я твои мысли.

Поспешила из сердца уйти,
унеся все смешное с собою.
И меня, мой любимый, прости
за неспетую песню с тобою.

Но поверь, что хотелось мне петь,
убедиться, что счастье – возможно.
Но – меня в твоём городе – нет.
Мои мысли при мне, невозможной.

Может быть, потому этот мир
до сих пор неустроен и тесен,
что взрывается болью эфир
от неспетых, неспетых в нём песен.

1987

Маэстро

Маэстро, друг мой дорогой,
зачем смутил ты мою душу?
Зачем, как рыбу из воды,
меня ты выдернул на сушу
из сотворенного мирка,
где я спокойно счет вела
неделям, дням и месяцам,
катившим, словно по волнам?
И лишь труднее стало нам.

Маэстро, друг мой дорогой,
пути скрестились слишком поздно.
Но мой и твой пропал покой,
а все шагать по жизни розно,
не сея зло, но жняя печаль.
И кто бы знал, как нас мне жаль!

А где-то в горной синеве,
отринув бранных тел сомненья,
забыв земное и гоненья —
слились два сердца. В синеве...

1987

Что мне – Медные Трубы

Что мне – Медные Трубы,
мне – Дантов Ад!
Мне твои бы – губы
да глаз бы – сад!

Мне твои бы – руки
да души – восторг!
Что тогда мне – муки?
Вот тогда мне – торг!
Ад тогда воздвиньте-ка
мне – против!
Вот тогда отриньте-ка
мой звенящий стих!

Как, смеясь, пройду
я сквозь Дантов Ад,
а водой полью
мой грядущий сад!

Сердцем разожгу
для двоих очаг.
Медью звонких труб
оглашу я Ад!

Что мне – Медные Трубы,
мне – Дантов Ад!
Мне – твои бы руки
да глаз бы – сад!

Помнишь? Осень была...

Помнишь? Осень была.
Была – осень.
Звон хрустальный дождя
между сосен
и меж елей и лиственниц
хмурых, от дождя
серебристо-понурых.
Помнишь? Осень была,
была – осень. А меж нами
бездонная просинь
робкой нежности,
юной любви
и в касаниях пальцев – искры.

Помнишь? Осень была,
была – осень.
Моя память всё бродит меж сосен
да по ельнику —
рядом со счастьем,
вопреки с неба льющим ненастьям.

Для меня ты всегда там
найдёшься,
в эту память со мной лишь —
вернёшься,
когда вспомнишь —
была наша осень
над сердцами – бездонная просинь...

Сон

В море далёком
свирепейший шторм
разбушевался.
В заливе спокойном
за волноломом —
гул отдавался.
И с моря корабль
беду переждать
к пирсу – прибился.
Было ль то явью
или же сном,
что в бурю приснился?
Времени не было мне
на гаданье —
стрелки спешили:
раны любимого
кровью сочились —
раны лечила.
В сердце слабевшее
силу вливала,
душу целила,
крылья опавшие я
расправляла,
спешила...
А в море тем временем
волны легли,
и ровны, и гладки.
И ушёл мой корабль,
с собой унеся
сон мой пресладкий.
С тех пор по причалу
всё бродит душа
одиоко
И ищет глазами
след
корабля.
Но где тот?
Далёко...

О случайностях и закономерностях

Когда б отсечь – случайности,
понять – закономерности,
то – не впадая в крайности —
достигли б – соразмерности?

Или важны – случайности,
не все – в закономерности.
И – не впадая в крайности —
искали б – соразмерности?

1986

О первой любви

Было ли, не было ль это любовью —
того и сейчас не пойму.
Но знаю печально, что птицу жар-птицу
во мне упустил ты свою.

Было ли сном или явью всё было —
гадай – не гадай, не скажу.
Знаю, звездой путеводной служила,
сердце держа на весу.

Будешь ли помниться или забудешься —
спросишь – ответ не найду.
Но каждую осень багряноволистую
заново сердцем сгорю.

1987

Сколько смелости

Сколько смелости в моих строчечках,
сколько нежности в этих точечках.
Но к тебе подойти бы мне – с ласкою,
не сгорев от огня жаркой краскою.

Мне обнять бы тебя, свет единственный,
целовать бы тебя, мой таинственный.
Только смелая я – в этих строчечках
и сгорю по тебе – в этих точечках.

Отйду-отлечу – словно не было,
словно росчерком облак по небу ли,
по душе ли твоей неприкаянной
распишусь своей рифмой намаянной.

Осмелела – себе удивляюсь я,
но в тебе растворяюсь, теряюсь я.
И, исчезнувши раз тихой осенью,
золотой сохранюсь в небе россыпью.

1987

Дай мне насладиться

Дай мне насладиться нежностью твоей —
я её впитаю, стану лишь сильнее.
Дай мне насладиться признанием твоим
в робком обожании, понятном лишь двоим.
Дай мне не вплетаться в нить твоей судьбы,
а просто тихо рядом, тебя любя, идти.
И дай мне не вплетаться в судьбы твоей узор,
чтоб силой не разрушить сердечный разговор...
Позволь мне ненавязчиво дарить тебе любовь
помимо всех постелей и хлама лишних слов.

Позволь уйти негромко, когда любви слова
в безмолвном телеграфе
умолкнут
навсегда.

1987

Моя большая печаль

Моя большая печаль
словно – густая вуаль,
словно – тканью зефиром
между мною и миром.

Кажется, вижу всё,
но – сквозь густое плетенье
чьих-то умелых рук,
искусных в плетении мук.

Кажется – слышу всё,
но – сквозь завесу боли.
Присутствие чуждой воли
глушит мой сердца стук.
Кажется всё – понимаю,
но руки свои – разнимаю,
но – сердце своё – уроняю...
О, этот мертвящий стук...

За что? – Эти боль и печаль?
И чья? – На мне злая вуаль?

Волей последней – срываю,
слезами с сердца – смываю
стылую, стылую – стынь.
Ты слышишь ли боль мою? Вынь

её – своими руками,
согрей мне душу – словами,
наполни сны мои – снами
и жизнь мне верни – губами.

Ох и умеют любить – поэты

Ох и умеют любить поэты —
во все века!
В пропасть – условности,
к черту – запреты!
Жизнь – пустота,
если её не согреет собою
юность Богинь...
И если по ней не пройдут сохою,
лучше – отринь!

1988

Чуть – психостеник

Чуть – психостеник,
чуть – поэт.
Лабильности – по ноздри.
И из меня, как рёк поэт,
не стали б делать гвозди...

1990, апрель

Пролетело бабье лето

Пролетело бабье лето, отлетело,
впереди печальный жёлтый листопад.
Как в лесу – так в моём сердце опустело:
отпылал души мятежной сад.

Может – так и надо. Я не спорю.
И природе, и судьбе – видней.
И, возможно, это всё – не горе,
а отлив измучивших страстей...

Но как плачется и сладко и печально
на исходе одиноких стольких лет.
Так с ветвей срываются прощально
листья – предвещая скорый снег...

1988

Я знаю теперь

Я знаю теперь, как приходит любовь:
робко и нежно тебя от земли оторвёт,
словно пробуя крылья на дальний полёт,

закружит по улицам города сонного,
спящим селом проведёт,
над гладью речной пронесёт невесомого
и венки из цветов сплетёт.

Одарит сиянием ласковых глаз,
для тебя огранит свой на небе алмаз.
И имени милого сладостный звук
вплетётся в волнующий сердца стук.

А дальше – любовь живёт,
если двух душ полёт
нота фальшивая не прервёт.

И не ищи виновника,
если она – уйдёт
и с высоты подлазурной
грудью о землю
тебя содрогнёт.
Как – у поющих в терновнике.

* * *

Я ещё пою – свою песню
пред запредельной чертой,
уже уловившая сердцем
смертельный удар —
твой.

Декабрь 1988

Если бы боль

Если бы боль не словами, а формой
хотела бы выразить я,
я бы накрыла себя
– полусферою.
Чугунно-тяжелою.
И – без окна.
И под нею, под этою
правильной формой,
где нет ни угла, чтоб забиться,
ни – дня,
я долго и скорбно бы
плакала сердцем
И тихо б исчезла,
исплакав себя.

1989

Синь всё гуще

Синь всё гуще.
В черноту
переходит ночи.
Может, лучше —
оборву
многозначность
точек...
Может, лучше —
как ножом —
по усталой ране.
Ночь всё глуше.
За окном —
как в бездонной яме
тишь ночная
в немоту
переходит
сердца.
Как закрыть мне ту
к тебе
чародейку —
дверцу,
за которой
снег и боль.
И усталость —
раны.
Ночь и темень.
За окном —
как в бездонной —
яме.

1989

Всполохи – заревом

Всполохи заревом
в небо – шатром.
Ужас – и —
преклоненье.
Сколь мы наивны
в мире своем,
в гордом своём
– ослепленьи.
Пасть на колени —
руки воздеть...
Стоном —
слепое поверье,
что – ни-че-го
ни-ко-му не успеть
в вечности этой —
преддверьи.
Всполохи заревом —
настежь – душа...
Мелкому —
места нет.
Может, в эти
мгновения ты,
трепеща,
себя создаёшь,
человек?

1990, декабрь

Какие рисуют нами узоры

Какие рисуют нами узоры
там, на седых небесах:
то в разящие смертью
сплетают нас
ссоры,

то – насаждают
убийственный
страх;
то – в любви испытание
ввергнут
жестокое,

бросят во мрак
нищеты...
Если всё это —
лишь сверху
и
свыше,

то – что
в этой жизни —
ты?
Если всё это —
и сверху, и свыше —
в чём силы
для жизни
найду?

Для песен,
чтоб жили
звения?
Если всё это
лишь сверху и свыше —
то – что —
от меня?

1990, декабрь

Русь моя, серединная

Ой ты, Русь моя,
серединная,
по тебе тоска,
что былинная.

По земле твоей —
да поруганной,
по лесам твоим —
сплошь порубанным...

Гой еси тебе
да кормилице,
не снести позор
да страдалице...

Истощилась грудь —
материнская,
вскормив чудище —
сатанинское!

Да технический,
без души – прогресс,
на тебе возрос —
он тебя же – съест...

Как не быть тогда
да трясениям,
человеческим
омерзениям?

Куда делися
песнопения?
Почто ждём все мы
возрождения
духа русского,
позабытого,
духа вольного,
неизбитого?..

Ой ты, Русь моя,
серединная,
по тебе тоска,
что былинная...

*в г. Свердловске,
на курсах повышения квалификации*

*Там же: зачарованная лекциями
профессора Белкина, написала свою...*

Исповедь души капризной женской

Это тихий Гондурас¹,
что я расскажу сейчас.
И пусть после каждый знает,
чем нас Белкин покоряет!

Что фрустрировать – не страшно,
деградировать – страшней.
Сублимация – ужасна,
суицид же – всех семей²!!!

Он открыл глаза нам, сирым,
на повадки всех мужчин,
что в халтуре – как и в риске,
корень множества причин.

Что без нас они – глупеют.
(Бог, прими его слова!)
Мы ж без них – слегка тускнеем,
вот болела б голова!

Это очень поправимо.
Белкин тем и покорил,
что в душе капризной женской
сублимацию свершил...

Свердловск, апрель 1990

¹ Студенческое выражение, примерно то же самое, что «тихий ужас», но звучит – великолепно.

² Из того же самого студенческого лексикона: третья степень сравнения прилагательных – самый – самое – всех семей!

Тянется к ручке рука

Тянется к ручке рука,
плачет о чем-то душа.
Смутно, неясно, размыто
все, что за этим сокрыто.

Плачет ли осенью дождь —
знаю, потерь не вернешь.
Белый ли падает снег —
где он, родной человек?
Ночь ли покровом накроет —
бессонница боль мне удвоит.
Одна лишь надежда со мной
и, круг завершая собой, —

тянется к ручке рука,
плачет о чем-то душа.
Смутно, неясно, размыто
все, что за этим сокрыто.

9.12.90

Надо сквозь боль пройти

Надо сквозь боль пройти,
чтобы понять, что – больно.
Если остыла печь —
затопишь её невольно.

Если сломался ты —
значит, надломано было.
В доме, где печь дымит,
печка давно остыла.

И если близки страданья,
но только свои – не чужие,
напрасны с огнём старанья
и намеренья благие.

1991

Перекинула мостки, но – слабы

Перекинула мостки,
но – слабы.
Протянула две руки —
коротки.
Распахнула сердце настежь —
нет, не внял.
Пепел сердца
мне на голову упал.

1991

«Так-так-так», – локомотивчик...

«Так-так-так», – локомотивчик
маневровый мне поет.
Его простенький мотивчик
и волнует, и зовет...

«Так-так-так» по ветке звонко.
«Много дел, меняю путь.
Там вагонов перегонка,
посиди одна чуть-чуть».

Маневровый ты трудяжка,
как же мы сродни с тобой:
груз забот моих и тяжкий
и тянуть его – одной.

«Так-так-так», – локомотивчик
мимо влево пробежал,
его простенький мотивчик
эти строчки подсказал.

1991, июнь

Моей – России

Я тебя – от северной от стыни
до нежнейших южных берегов
так люблю, как в небе синем любят
детскую припухлость облаков,

как неповторимый шепот капель
вешнего дождя над головой,
как в болотце поступь важных цапель
и в июльский полдень сенный зной.

Я всю и вся тебя в себя впитала:
и зимних кружев по лесам узор,
и почки звонких веток краснотала,
и запах пыли, и цветов – ковёр.

И нет меня без этой вечной сини,
без Родины, охватом в пол-Земли.
Тысячелетие её воссоздавали,
а мы преступно режем на куски.

И истончаешься, и рвёшься ты озоном,
от смут чернеешь и от зла больна.
Россия-матушка,
под колокольным звоном
одно молю —
не дай распять себя!

1991, май

Северные ночи

Треск дровец, в костре горящих,
комариный тонкий звон,
запах трав – хмельно пьянящий,
птичий свист и – сон не в сон.

Колдовская прелесть ночи
той, что есть и той, что нет.
Не сомкнёшь привычно очи —
сбился с ритма суток бег.

Лай собак далёкий, редкий
в этой вечной тишине
да кукушки стон извечный
мне вещают о весне.

Что недолог век мой трудный,
но, до края путь пройдя,
я, в покой спеша холодный,
на дорогу бы взяла:
треск дровец, в костре горящих,
комариный тонкий звон,
запах трав, хмельно пьянящий,
птичий свист – на долгий сон...

1991, июнь

И странно, и горько, и горестно мне

И странно, и горько, и горестно мне,
как в небе холодном печальной Луне.
Спутником вечным ей быть у Земли,
но не сойтись им, как ни люби
нежный земной голубой ореол,
верности символ в котором нашел.
Но прочен и вечен тот странный союз,
скрепленный узами космических муз.

09.12.91

К небу

Всели смиренье, Боже, мне
к мирским делам,
не дай страстям
перехлестнуть живое.
Открой глаза мне
встречь другим мирам
и дай познать
всё сущее земное...

1992

Какого цвета бывает беда...

«Какого цвета бывает тоска?» —
спросила знакомая раз у меня.
Ответ ей дала, сколь могла я, простой:
И светлой бывает, и темной – порой.

Бывает – от слабости. И от любви.
И ей не противься. И с ней не мудри.
Коль плачется – плачь. В голос реви.
Все чёрные мысли до дна пробери.

Сквозь частое ситечко жизнь пропусти
и в том, что просеялось, – смысла не жди.
Лишь в этой оставшейся сверху руде
разгадку найдёшь и себе, и тоске.

А счастье? – Непрочно. И часто оно
нам испытанием в жизни дано.
«Какого цвета бывает беда?» —
спросила подруга вдругорядь меня.

И вновь ей дала мой ответ я простой:
и белой бывает, и чёрной порой.

Белая – жалость. Носим в себе.
Жалея других – сами в беде.
Черная – зависть. Горе без дна.
Дни без солнца. Ночи – без сна.

Черное горе – где берег? Где – друг?
Реальность размыта в сплетении мук.
Черное горе – выпей до дна.
Выпив и выжив – станешь – сильна.

После грозы

Где ты ещё такое чудо встретишь:
протяжный шепот капель по листве,
озоновую свежесть на закате,
край солнца в туче где-то вдалеке?

И где ещё так сердце встрепенётся,
как не в родимой смалу стороне,
где каждый кустик эхом отзовется,
хранимым свято в сердца глубине.

Где дышится так полно и привольно,
где времени спокоен вечный ход,
как не среди холмов, лежащих вольно,
вдоль берегов знакомых с детства вод.

Где ты ещё такое чудо встретишь,
где обретёшь молитвенный покой?
Где сам себя по меркам детства сверишь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.